

ЕФРЕМ МАТВЕЕВИЧ ЛЁШУКОВ

Ефрем Матвеевич Лешуков — в 1928 г. многосемейный старик—крестьянин, на седьмом десятке, из д. Лебской Лешуконского района. Неграмотный. Как все мезенцы, кроме рыбной ловли он промышлял охотой. Кроме того, занимался выделкой на продажу рукояток для горбуш. Сидя за работой, он пел и рассказывал былины, также и в лесу: «Я вот как сижу по лешовным избушкам, так всё сказываю».

На Ефрема Матвеевича, как знатока и исполнителя былин, мне указывали многие односельчане, ставя его на второе место после Якова Гольчикова. Домашние тоже говорили, что он много знает: «Зимой—то всех нас усыпит старинами да сказками». Приветливый и словоохотливый старик Лешуков охотно начинал сказывать, но долго не выдерживал напряжения и переходил к простой беседе. «Ленится», как сказала про него его молодая сноха.

Кроме записанных былин он знал еще «Подсокольника» — «стариной», «Как Илья исцелился», «Илья и Соловей—разбойник» и про Дюка — «рассказом» и «Женитьбу князя Владимира» — «и стариной и рассказом, как придется». Начало последней былины он спел, и оно почти точно повторяет вариант Якова Гольчикова с некоторыми лишь незначительными вариациями чисто словесного характера. По словам крестьянина Степана Васильевича Гольчикова, Ефрем знал и про Василия Буслаевича. На мой вопрос, как он больше любит исполнять былины, петь или сказывать, ответил: «Когда как. Вот тебе сперва попел, а потом как придется». К балладному жанру Ефрем Матвеевич относился пренебрежительно, называя такую, напр., балладу, как «Братья—разбойники и сестра», — «пустяковиной», которую лишь «девки поют». Былину о Добрыне и Маринке назвал «шутовой».

Лешуков знал еще стихи про Алексея и про Егория; слышал раньше как пели слепцы. Былинам же научился, по его словам, таким образом: «Братья грамотные были, читали, так из книжки слышал, выучился». Однако близость былины

143

«Чурила» и начала былины «Про старого» (Илья Муромец и станичники) ж вариантам, записанным от других мезенских исполнителей — несомненных носителей устной традиции (М.Г. Антонов, Яков Евдокимович Гольчиков), — ограничивает утверждение о роли книжного источника. С другой стороны, побывальщины Ефрема Матвеевича носят явные следы влияния лубочных пересказов. Очевидно, мы здесь имеем факт скрещения устной традиции с влиянием лубка.

К сожалению, всего репертуара этого своеобразного исполнителя не удалось записать, так как он неожиданно уехал в Коянас для лечения глаз.

144

5

ПРО СТАРОГО

Кабы ездил тут стар по за—городу,
 По за—городу да по за—Киеву
 Что по тем по полям по широкиим,
 А по тем по дорожецкам по долгиим.
 5 Наезжаёт бы стар на росстанюшки,
 Што на те на росстани на широкие,
 На те ли дорожки да на долгий
 А лёжыт на росстанюшах камешок горяций же,
 А как на камешку да подписано,
 10 А написано да подпись всё подрезано:
 «А во перву—то дорожецьку ехать — убиту быть,
 А во вторую—то дорожецьку ехать — женату быть,
 Как и в третью—то дорожецьку ехать — бохату
 быть».

Как садилса—то старой на горюць камень,
15 Он и думал думушку не малую,
А не малую думушку — великую:
«А на што мне старому теперь жениться?
А жонитесь мне не по младости.
А на што же мне старому и теперь всё богатество?
20 Как есть у меня старого золотой казны,
Кабы есть у старого цистого серебра,
Есть у старого красно золото,
А кабы есть у меня да циста жемчуга.
Я наездилса стар на белом свете,
25 Кабы много от старого сирот сиротаёт же,
Кабы много от меня вдовушек да вдовеёт же,
Я побил на сём свете удалых добрых молодцев,
Я поеду по той по дорожке по убитой.

145

Как садилса бы стар на добра коня,
30 А ехал по дорожецьки по убитое.
Как идут—то станицьники да люди вольные,
Люди вольные да всё разбойницьки.
Стали на старого приступати же:
«Ты докуль, старой пёс, в поли шатаишься,
35 Докуль ты удалых добрых молодцев побиваешь?»
«Ох вы станицьники да люди вольные,
Как у меня своей казны не пригодилося,
А поехал — у князя не выпросил.
Только есь на старом кунья шубонька,
40 Стоит шубоцька петьсот рублей,
Как на шубоцьке пуговок на тысечу.
Есь у старого сабля вострая,
Стоит сабелька петьсот рублей,
Есь тут копьё долгомерное,
45 Стоит копьё петьсот рублей.
Есь тут стрелочка калёная,
Каждая стрелочка стоит по сотенке»
А есь под старым доброй конь,

Тому коню цены нет».

Стали станицьники к старому приступать. Вымает стар из колчана калену стрелу, зарежает каленый лук, сам ко стрелке: приговаривает: «Ты лети—ко в матушку сыру землю, рви—пластай што погребба».

Тут и вси станицьники в імы упадали,
Кабы все тут они устрашились:
«Ты не бей, стар казак, не губи,
Мы идём в слуги верные».
— «Мне не надо слуги верные,

святая Русь не живёт без могучих плеч, без богатырских сил. На то дал нам господь силушку расчищать пути засорены». Дали они заклятие великоё: «Не будем мы боле разбойничать, пойдём по светым местам, ко своим жонам».

Поехал стар по дорожецьке в поля широкие. Лежат тут ускоки бохатырские. Пошли надвое две дороги, одна вправо, другая влево, пробиты две дороги до пояса. Правая дорога пошла на светые горы. Наехал старый на бохатыря. Выдернул он палицу

146

буёвую, ошил его, огленулся Егор—Святогор. Сказал ему: Ах русские комары больно же кусают». Взял засунул его в карман с конём со всем.

Потом конь Егора—Светогора прискакал на светые горы пристал, сказал: «Ах Егор—Святогор, не могу боле скакать. Есть у тебя в кармане бохатырь не плохой». Тот выдернул из кармана, назвались они братьями: Егор больший и Илья меньший. — «Поедем Илья ко своему отцу на светые горы. Живёт у меня отец на светых горах слепой».

Вот приехали в ограду, привязали коней к столбу, к золотому кольцу. Вот заходят в палаты белокаменны, находят старика, слепого.

«Вот, татка, говорит, я привёз русского богатыря в гости». — «Ладно, говорит, привёз, так потчуй». Стали за столы дубовые», сели за ества сахарные, за питья медвіные. Вот они пили—гуляли отец слепой говорит: «А ну я ручки богатыря пощупаю, каковы». А Егор—Светогор говорит: «Ты не давай ему руки, палицу дай ему пощупать». Он пихнул ему в руку. Он прижал, только пена пошла.

Вот назавтра у Егора—Светогора битва с паленицей последняя. Ездит, бьётця в поле тридцать лет. Вот и говорит Егор—Светогор: «Давай, брат Илья, поедем, у меня последняя битва с паленицей. Некоторый, который победит, будет на ней жениться».

Вот распростился со стариком и стали с ним уезжать. Спустились со святых гор, а она уже ездит, рыскует в поле. Егор и говорит: «Ну, Илья, ты поезжай к ней, ты биться знаешь, не можешь ли ее как взять». А Егор сам остался под дубом.

Вот Илья старой казак поехал. Она и говорит: «Вот кого Егор послал. Я дуну — так улетит, а плюну — так не костьї найдёт». Вот и подъехал, дунула на него, он сидит — не трїхнется. Плюнула — сидит. — «Ах какой ловкой подъехал», говорит. Подъехала к нему да и махнула саблей вострой. А этот Илья был увёртливой. Увернул коню под передние ноги. Пересекла коня значит у него. И шарнул Илья копьём и спѣхнул с коня. Выдернул свой меч и подсек голову ей. Заскочил на ейного коня не зевая, учул конь, что легок седок, носил по полям широким, едва дѣржитця Илья на коне. Когда этот—то конь утомилса, и подъезжает к Егору—Святогору. Егор—Святогор говорит: «Эй, Илья! Есь у ей перстень самоцветной, с самоцветным камнем, сими его, он твой, ты победил». Скочил Илья с коня и стал сымать, она еще пышит. Махнула рукой — он попал под руку и встать не может. Прибежал

Егор—Светогор, оторвал со всем с пѣрстом. Отдал Ильи, сели на коней и поехали по полям по широким.

Едут в поли, строят старцы в поли гробницу. Егор— Святогор спрашивает: «Эй, старцы, про кого вы эту гробницу строите?» Старцы сказали: «А хоть ты лежишь». А Светогор говорит: «Што же мне эта гробница стоит, лягу и всю разопру ее». Соскочил Егор с коня и лёг в гробницу. Как лёг, так и пошевелиться не может. — «Эй брат Илья! бей по концу палицей, пусть розлезется». Илья взял, ударил по концу палицей, налетел обруч железный.

— «По другому бей!» По другому ударил. Другой обруч налетел. А у его силы никакой в гробнице, подрезаны все силы его. — «Сделай брат Илья дыру, если тебе нать силу, пойдёт у меня сила, буду умирать. А пойдёт сила, первой пар густой — не тронь, второй пойдёт — не тронь, а третий пойдёт — и то тронь с калачиком».

Первый пар пропустил, второй пропустил. Третьего пару хватил. Сила в ем расходилась. Рвал лес, ломал лес, чтобы уничтожить силу. Когда некогда уничтожил, пошел похоронил Егора, сел на коня и поехал.

Ехал полями широкими, выехал на дороги долгиа. Едет по дорожке в Киев. Идёт навстрету старик седатый. Илья и говорит: «Здравствуй, дедушка!» Тот и отвечает: «Здравствуй, Илья Иванович!» — «Как же ты меня знаешь?» — «Да как мне не знать, я киевская». — «Што теперь хорошего в Киеве деется?» спрашивает Илья. — «После твоего отъезду заселился бохатырь, живёт у князя во дворе, к выти съедает семь пудов хлеба да быка. Никто и подступиться не может». — «Спасибо, дедушка, на вестях».

Ну вот, распростились и поехали. Тот пошел по дорожке, а этот поехал в Киев. Стал спрашивать: «Какой бохатырь засел в Киев?» Вот всё рассказали. Вот на другой день надел Илья шляпу в сорок пудов, взял клюку в сорок пудов, оделся каликой и пошел ко князю. Заходит в палаты белокаменны во время обеда. Сидит бохатырь, княгиню на коленях дёржит.

Бык поджарен, лежит на столе на блюде, нож влещен в него. Вот разговор завели. Он и спрашивает: «Вот у вас есь казак Илья Муромец. Сколько он к выти хлеба кушает?» А князь отвечает:

«А он у нас мало ест». А он говорит: «Вот я к выти семь пудов хлеба съедаю и быка». А стоит Илья под порогом: «Вот у нас была корова обжорливая, много ела и пропала, вот и ты пропадёшь».

148

Вот это слово ему не пондравилось. Взял кнегиню с коленей спехнул, взял нож и махнул в Илью. Нож в простенок стал на то Илья был увёртлив. Илья схватил с головы шляпу и катнул его шляпой своей. Вылетел этот бохатырь с простенком со всём на улицу. Вот тут его и рушил.

Князь бохатыря прославил: «Слава тебе, избавитель, опять избавил нас от смерти опять». Сделал бал великолепный князь Ильи, что избавил от смерти опять.

Вот же всё.

6

[ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА]

Нападала—то порошиця снегу белого,
А не во пору порошиця не во времё,
Среди—то ведь лета—то Петрова дни.
А по той ле порошичье снегу белого,
5 А не серый—то заюшко—то проскакивал,
Рысучий белый горностаи не прорыскивал,
Тут пришол—прошол удалой доброй молодец,
Шол—то Чурилушко Пленкович,
Шол—то Чурилушко ко чужой жены,
10 А ко той ле жоны Васильюшка Перемякича,
А ко той ле Настасьюшке Викуличне.
А у Чурилушки сапожки носки были востры,
А не знают куда да молодец прошол.
Приходил—то Чурило ко Настасьюшке Микулицне,

- 15 Он кричал да стучал в злато кольцо,
Услыхала тут Настасьюшка Микуличья,
Отворяла бы ворота да всё крылечьныи.
А брала бы Чурилушку за праву руку,
А вела бы ёго прямо в спаленку,
- 20 А садила бы его на ременчат стул,
Скидовала бы у Чурилуша кунью шубу,
Кабы вешала шубоцьку на спиценьку,
А сдевалася шляпоцьку пуховую,
А сымала с рук перцаточки всё лайчатые,
- 25 И клала бы перцатоцьки во шляпоцьку,
Кабы ставила шляпоцьку на окошецько,
- А одевала с ног сапожецьки сафьяные,
Ведь и ставила сапожецьки под кроватоцьку,
А садила бы Чурилушку за дубовый стол,
- 30 А кормила его всё досыта,
А поила его всё допьяна,
А валила бы Чурилушку на кроваточьку,
На кроваточьку да на тесовую,
На перинушку да на пуховую,
- 35 А сама бы валилась да со Чурилушком.
На ту пору было на то времячко
А заходит тут девушка служаночька,
Говорит—то служанка да таково слово:
«Уж ты что же ты лежишь, Чурило, со чужой жоной?
- 40 Я пойду—то скажу Василью Пермягичу».
— «Ты не сказывай—ко, девушка служаночка,
Я куплю тебе ленточку во сотенку».
— «А не надо мне, Чурило, твоя ленточка,
Я пойду—то скажу Васильюшку Пермягичу».
- 45 — «Ты не сказывай, девушка чернавушка,
Я куплю тебе полушубок на золоте,
Который бы стоил петьсот рублей».
— «А не надо мне полушубок на золоте,
Я пойду—то скажу Васильюшку Пермягичу».

50 — «Ты не сказывай, девушка чернавушка,
 Я куплю тебе сарафанчик да весь на золоти,
 А который бы стоил во тысяччу».
 А пошла тут служаночка из спаленки,
 Выходила ёна да на красно крыльцо,
 55 А брала бы трубочьку подзорную,
 А гледела да смотрела во все стороны.
 А от того—то моря да от синего
 А не туця ли, братцы, затуцилась,
 Не туман ле по полю роскатаецця,
 60 Тут Василий Пермягич от моря подымаецця.
(Он ездил на охоту белых лебёдушек стрелять.)
 Приезжал бы Василий да ко красну крыльцу,
 А везал бы коня ко за злато кольцо,
 Говорил—то Василий да таково слово:
 — «Што же, девушка моя служаночка,
 65 Где же моя Настасьюшка, меня не встретила?

150

То ли ушла она во торговищё,
 А то ли ушла к обедне ко воскресенськое?»
 — «Некуда твоя Настасьюшка не ушла же ведь».
 У Василия Пермягичя конь да догадаецця,
 70 От злата кольци да отрываетцэ,
 Заскочил бы конь да во зеленый сад,
 Он и свил—стоптал травушку всю шелковую.
 Тут берёт Василий саблю вострую,
 А берёт тут копьё да долгомерноё,
 75 А тут крепит—то ворота крепко накрепко.
 Заходил—то Василий всё да во спаленку,
 А по спаленке Василий да всё похажива т,
 А вострым то копьём да всё подтыкиват,
 Вострой сабелькой да подпираецця.
 80 Говорит—то Василий да таково слово:
 — «Это чья же, Настасьюшка, висит да куны шуба?»
 — «А я ходила—то вчера по торговищу,
 А что на людих вижу — на тебе люблю,

- На тебе люблю — то тебе куплю».
- 85 — «Это чья же, Настасьюшка, шляпонька пуховая?»
— «Я ходила вчера во торговищѣ,
Да в людѣх вижу — на тебе люблю,
На тебе люблю — то тебе куплю».
- «Это чьи же сапожоцьки да под кроватоцькой?»
- 90 — «Я ходила вчера во торговищѣ,
Што на людѣх вижу — на тебе люблю,
На тебе люблю — то тебе куплю».
- «Ты вставай—ко вставай, Чурилушко, от чужой
жоны,
Довела—то тебя чужа жона до погибели».
- 95 А вставал—то Чурилушко со кроваточьки,
Ав одной—то рубашке без пояса,
Падал тут Васильюшку во резвы ноги.
Говорит—то Василий да таково слово:
«Кабы первую вину то боѣ простит».
- 100 А как взвилась—то у Василя востра сабелька,
Покатилась бы у Чурилушка буйна голова.
Тут бы села Настасьюшка на кроваточку,
Говорит—то Настасьюшка таково слово:
«А где белый лебедь лежит — тут же белая
лебѣдушка».

151

7

[ДОБРЫНЯ И МАРИНКА]

Был жил Добрыня Микитиц у князя стольне—
кяевского Владимира. Задумал улицу вычищать у
Маринки злой безбожницы.. — «Поеду», говорит,
«солнышко Владимир—князь, очищу у Маринки улицу».
Князь Владимир его не спускал: «Много было молодцей,
какой поедет по ейной улице, вороці ему нет». Он говорит:
«Повёртыват турами гнедыми».

Вот всё—таки поехал Добрыня Микитиц по ейной
улице. Едет мимо ейный дворец. Сидит на окошечке
голубок у ей. — «Уже я пошучу шутоцку над Маринкой».

Вынул калену стрелу, зарядил тугой лук и стрелил этого голубка на окне. Она в это время искала у милого друга в головы. Голубка застрелил, пролетела эта стрелка и убила ее друга на коленях. Вышла Маринка зла—безбожница, собрала следу его. Затопила печку и бросила эти следы в печку. — «Как эта печка топится, так бы у Добрыни сердце по мне кипело!» Читала книгу волшебную.

Приезжает Добрыня к крыльцу, к ейному дворцу. Повёрнула Добрыню гнедым туром и спустила в чистое полё. Там было у ей тридцать девять туров повёрнуто, а этот — сороковой. Потерялся Добрыня шесть месяцев в городе. А была тётка у Добрыни в городе в Киеве. У тётки были две девушки и ходили за ягодами. Как раз приворотили к этому полю, и один тур прибежал и ластится, и слёзы из глаз текут. Вот приходят домой и говорят своей маменьке: «Мы шли, мама, мимо поля, прежде было тридцать девять туров, а нынче сорок бегат. И один тур прибежал, ластится, и слёзы из глаз падают».

Говорит эта ихня матушка: «Ах верно эта зла Маринка Добрыню обернула туром. Пойду к Маринке злой безбожнице, возьму клюку сорокапудовую».

Пришла к Маринке, села на печней столб и постукиват этой клюкой. — «Эх, Маринка, злая безбожничя! Зачем же ты обернула Добрыню гнедым туром? То я тебя саму оберну кобылой водовозной. Будут на весь город воду возить на тебе». Того Маринка не убоялась. — «Оберну я сама тебя сукой волотяжной!» Того Маринка убоялась. Вышла в поле, призвала всех туров, впервые

152

Добрыню Микитичя. Отвернула — стал молодец как попрежнему. Добрыня говорит: «Отверни всех этих туров, я тебя замуж возьму». Всех отвернула, молодец молодца чище всех вышли. — «Ну, говорит, ты с милым другом человалась, я губы отрежу у тебя». Обрезал губы. — «Ну, ты, говорит, с милым другом обнималась, я руки у тебя

обрежу. С милым другом ногами оплеталась, я ноги у тебя
отрежу, тогда замуж возьме.

Тогда взял отсек ей голову. Тогда поехал ко князю
Владимиру. Очистил улицу вовсе.